

УДК 351.746.1-051(47+57)(09)(045)

Марк ЮНГЕ*

Советские «каратели». Историография, методы и источниковая база

Проведено историографическое исследование участия сотрудников органов государственной безопасности СССР – непосредственных исполнителей «Большого террора», определены основные тенденции изучения, отмечена попытка сравнения чекистов с военными преступниками/карателями нацистской Германии. Очерчены основные документальные источники, определены методы исторического исследования.

Ключевые слова: советские каратели, НКВД, политические репрессии, историография.

«Генеральный директор террора»

Изучение «карателей» – лиц, которые осуществляли массовый террор в Советской России/СССР – ограничивалось в Советском Союзе вплоть до 1991 г. почти исключительно фигурой Сталина. Именно Сталин считался, если не принимать во внимание тезисы ряда «ревизионистов», «the terror's director general»¹. Такая трактовка являлась прямым продолжением основных положений тайной речи Никиты Хрущёва, произнесённой на XX съезде КПСС в 1956 г. Новый импульс своего развития историография карательных органов и «карателей» получила благодаря публикации в 1991 г. документов о массовых репрессиях. Речь идёт здесь в первую очередь о массовых операциях НКВД 1937–1938 гг.: так называемой «кулацкой» операции против «кулаков», «уголовников» и других «контрреволюционных элементов», «национальных» операциях в отношении немцев, поляков, иранцев и т. п., а также операции против «социально

* Юнге Марк (*Junge Marc*) – доктор історичних наук, науковий співробітник Інституту історичних наук Рурського університету (м. Бохум, ФРН).

¹ *Tucker R.C.* Stalin in Power. The Revolution From Above, 1928–1941, New York, 1990. – P. 444; *Chlewnjuk O.W.* Das Politbüro. Mechanismen der politischen Macht in der Sowjetunion der dreißiger Jahre. – Hamburg, 1998. – P. 14, 294. (Огромное количество публикаций, посвящённых личности и политической деятельности Сталина, не упоминается здесь для экономии места).

опасных элементов» (попрошак, бездомных, проституток, уголовных преступников и т. п.), жертвами которых в общей сложности стали около 1,6 миллионов человек. Некоторые российские историки использовали новые документы как основание для диаметрально противоположной интерпретации роли Сталина. Под их пером зародилась легенда об обманутом и слабом диктаторе, который действовал под диктовку Н. И. Ежова, собственно главного и единоличного организатора «Большого террора»². Однако историография сумела вскоре убедительно опровергнуть такого рода трактовки³. Ежов, возглавлявший народный комиссариат внутренних дел СССР, объединявший под своей крышей органы государственной безопасности и милицию, теперь адекватно описывается как управляемый и контролируемый послушный исполнитель приказов Сталина, как его способный и усердный ученик⁴.

Систематическое изучение массовых репрессий и параллельное введение в научный оборот соответствующих документальных материалов «архива Кремля» (Архива Президента РФ) осуществил тандем в составе российского историка спецслужб Владимира Хаустова и шведского историка Леннарта Самуэльсона. Они исследовали механизм соучастия представителей высшего эшелона сталинского режима в репрессиях, а также доказали, что Сталин по-прежнему должен расцениваться как главный «кабинетный преступник». Одновременно авторы продемонстрировали, что роль Сталина в «Большом терроре»

² «Ezhov's primary crime, however, consisted in the fact that he had not informed Stalin of his actions». *Starkov B.A.* Narkom Ezhov // *Stalinist Terror. New Perspectives* / Сост. J. A. Getty, R. T. Manning. – Cambridge M. A., 1993. – P. 38.

³ *Jansen M., Petrov N.* Stalin's Loyal Executioner. People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940. – Stanford, 2002; *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М., 2010. – С. 299; *Baberowski J.* Stalin und der Große Terror (Vortrag vom 13.07.2011 bei der Vortragsreihe «Stalinistischer Terror in der Sowjetunion und in Osteuropa: Neue Forschungen zu Tätern–Opfern»). См.: <http://www.stiftung-aufarbeitung.de/veranstaltungennachlese-2011-2493.html?id=1711> (дата обращения 07.09.2012).

⁴ *Chlewnjuk O.* Das Politbüro. Mechanismen der politischen Macht in der Sowjetunion der dreißiger Jahre. – Hamburg, 1998. – P. 270, 294, 295; *Полянский А.* Ежов. История «железного» сталинского наркома. – М., 2001.

необходимо рассматривать более дифференцированно. Сталин расставлял приоритеты. Персонально он концентрировался в первую очередь на элитах. Его роль в репрессировании элит сводилась не только к тому, чтобы завизировать своей подписью списки на арест и осуждение, но и к рукописным пометкам рядом с некоторыми фамилиями в этих списках, которые, как правило, имели смертельные последствия для людей, удостоившихся сталинского внимания. Такими же пометками Сталин снабжал некоторые протоколы допросов и материалы ряда судебных дел⁵.

В то же время сталинское соучастие в реализации массовых операций, которые были направлены преимущественно против простого, т. е. лишённого привилегий и далёкого от власти советского населения, ограничивалось политической инициативой и общим контролем⁶. Здесь главные полномочия были предоставлены, в особенности в том, что касалось «кулацкой» операции, партийному руководству и органам госбезопасности на местах. Сталин не вникал в детали массовых репрессий, ограничиваясь общими указаниями об увеличении лимитов и поощряя усердие НКВД⁷.

Новые архивные находки в Грузии, тем не менее, указывают на то, что необходимо критически оценивать эффективность такого «последнего контроля». Без сомнения, он осуществлялся Сталиным и другими членами политбюро ЦК ВКП(б) в отношении репрессий партийно-советских элит. Об этом свидетельствуют так называемые «сталинские списки»⁸. По-прежнему не вполне ясно, действительно ли речь шла о персональном конт-

⁵ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М., 2009.

⁶ Юнге М., Бонвеч Б. Реализация приказа № 00447: сводный итог // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М., 2009. – С. 43–80; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – С. 6, 273–274, 283.

⁷ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – С. 281, 286, 328.

⁸ Это списки партийно-советских руководителей, приговорённых в основном к расстрелу, которые визировались Сталиным и другими членами политбюро ЦК ВКП(б).

роле или, напротив, в большинстве случаев дело сводилось к механическому подтверждению приговоров, которые предварительно выносились центральным аппаратом госбезопасности? В пользу последнего предположения говорит, например, то обстоятельство, что Сталин вместе с остальными членами политбюро оставил свои подписи под объёмными списками, включавшими в себя более 40 000 фамилий, но его «пометки на полях» затрагивают лишь некоторых из жертв. У Сталина и членов политбюро не было ни времени, ни достаточного объёма личных сведений (память, личные знакомства), чтобы связать что-нибудь конкретное с каждым из имён, оказавшихся в списках. Поэтому контроль или вмешательство здесь неминуемо ограничивались абсолютным минимумом⁹.

Госбезопасность и милиция

С введением в научный оборот новых комплексов документов, в центре исследований, наряду с дискуссией о месте Сталина в массовых репрессиях, постепенно оказались целые группы «карателей». Речь, в частности, идёт о соучастии партии, политбюро ЦК ВКП(б) в первую очередь, а также республиканских, краевых и областных комитетах ВКП(б). Их роль наиболее зримо выражалась в циничной «торговле» первых секретарей с «центром» вокруг повышения «лимитов» репрессий. И всё же историография концентрируется на изучении роли в репрессиях государственных органов, в первую очередь Народного комиссариата внутренних дел СССР, от центральных до низовых подразделений. Постепенно также формируются подходы к изучению участия в репрессиях местных органов государственной власти – сельских и городских советов¹⁰. Анализ свидетель-

⁹ Юнге М., Клдиашвили Г. Регионализация карательных полномочий // Большевицкий порядок в Грузии. Изд. в 2-х т. – Т. 1. Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. – М., 2015. – С. 117–168.

¹⁰ Юнге М., Биннер Р. Справки сельсовета как фактор в осуждении крестьян // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М., 2009. – С. 613–623.

ских показаний и доносов освещает роль в массовых репрессиях неорганизованного населения, обычных людей¹¹.

Что касается компартии, то установлено, что именно политбюро ЦК ВКП(б) инициировало и идеологически «сопровождало» репрессии. Тем не менее, преследование широких масс советского населения однозначно было отнесено к компетенции республиканских, краевых и областных органов государственной безопасности и милиции. Под диктовку НКВД к репрессиям также подключились – как правило, добровольно – сельские и городские советы, местные партийные структуры и «простое» население. Констатация факта тесного взаимодействия и сотрудничества этих структур/групп «карателей» стала важнейшим результатом новейшей историографии. Речь идёт о запланированном государством и организованном бюрократическим путём массовом убийстве, в ходе которого НКВД удалось задействовать в качестве соучастников как местные городские и сельские элиты, так и часть «простого» населения. Если же говорить о наиболее важных результатах в деталях, то необходимо указать на то, что классическим «кабинетным преступлением» являлась деятельность секретаря тройки НКВД. В ходе бюрократически заданной процедуры именно он на практике выносил «приговоры» ещё до внесудебного заседания тройки (начальник управления НКВД, прокурор и секретарь обкома/крайкома партии). Этот орган, формально отвечавший за определение меры наказания, как правило, санкционировал приговоры: ставились подписи под заранее заготовленными секретарём протоколами. Что же касается практик карателей, оформлявших следственные дела, на основе которых докладчиком оформлялся протокол тройки, то удалось установить, что грубая фальсификация показаний и свидетельств имела

¹¹ Юнге М., Биннер Р. Справки сельсовета как фактор в осуждении крестьян. – С. 613-623. *Они же. От ареста до расстрела. Следственное дело осуждённого* // Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М., 2008. – С. 352-404; Юнге М. Дело «уголовников» // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 / Сост. Г. Д. Жданова, В. Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. – М., 2010. – С. 215-226.

свои границы¹². Конечно, образ действий следователей НКВД и, соответственно, материалы следствия отвечали требованиям сверху, как можно скорее нейтрализовать подозрительные или якобы нелояльные «элементы». Документы следствия, выступавшие в роли улики, редко проверялись следователями на предмет достоверности содержащейся в них информации, зато, как правило, интерпретировались в нужном для следствия ключе, дополнялись и исправлялись на усмотрение сотрудников НКВД, а также обрабатывались ими в бешеном темпе.

Под вопрос также следует поставить общепринятое обвинение в адрес «карателей» в поголовном применении пыток. На самом деле здесь соблюдалась определённая иерархия: членов элит пытали и избивали гораздо чаще, поскольку в их делах центральную роль играло именно индивидуальное признание подозреваемого. Что же касается представителей «простого» советского населения, то здесь, как правило, было достаточно нескольких свидетельских показаний и справки государственных органов власти (например, сельсовета), чтобы «юридически» обеспечить вынесение требуемого приговора¹³.

Если подводить промежуточные итоги, зафиксированные в историографии, то в первую очередь следует констатировать следующее: именно органы НКВД – госбезопасность и милиция, сыграли главную роль в осуществлении всех карательных акций «Большого террора», в особенности массовых операций. Привилегированное положение, которое занимали в механизмах террора «каратели» из числа сотрудников госбезопасности и милиции, стало для них одновременно преимуществом и проклятием. В рамках деятельности внесудебных инстанций юридически малообразованные кадры госбезопасности исполняли роли следователей, судей и палачей. Это означало для них большую свободу рук, оставлявшую много места для автори-

¹² О роли секретаря тройки и докладчика см.: Юнге М., Бонвеч Б., Биннер Р. Осуждение // Массовые репрессии в Алтайском крае. – С. 328–347.

¹³ Юнге М. Возможности и проблемы изучения Большого террора с помощью источников 1938–1941 и 1954–1961 годов (допросы карателей) // История сталинизма. Репрессированная Российская провинция. Мат. междунар. науч. конф. Смоленск, 9–11 октября 2009. – М., 2011. – С. 63–70.

тарного мышления, садизма, карьеризма, личного произвола и манипуляций на всех уровнях вне эффективного контроля «сверху». Однако это же обстоятельство привело некоторых из них на скамью подсудимых.

Исполнитель, палач или «каратель»?

Современная историография ещё не дала удовлетворительного ответа на вопрос о степени ответственности сотрудников госбезопасности и милиции. Это можно утверждать по поводу самооценки чекистов и милиционеров, а также множества вопросов, каким образом и в какой форме осуществлялось их участие в репрессиях. В этой связи представляет интерес уже чисто филологическое описание феномена государственного преступления и преступника. В русском языке нет эквивалента немецкого термина «Täter». Наиболее распространённые понятия, такие как «исполнители» или «палачи», в первом случае слишком подчёркивают «исполнительный», во втором – эмоционально-моральный аспект. Возможно, наиболее адекватным является термин «каратель», однако этот термин традиционно был сильно идеологизирован и употреблялся в Советском Союзе исключительно для описания служащих царских и нацистских карательных органов. Его употребление в другой трактовке наталкивается вплоть до сегодняшнего дня на предубеждения, в том числе в государствах – бывших советских республиках. Несомненный недостаток этого термина заключается также в том, что его нельзя без оговорок применять для описания всех категорий лиц, на которых лежит ответственность за репрессии, то есть в отношении Сталина, партии и государственного аппарата. И всё же, пока историография не выработает более адекватный термин, я предлагаю использовать понятие «каратель» в смысле «преступник», «сотрудник государственных карательных органов, непосредственно участвовавший в репрессиях».

В общем и целом в историографии карательных органов (госбезопасности и милиции) времён «Большого террора» можно выделить несколько основных направлений. Представителем первого направления (это, преимущественно, историки,

имеющие отношение к ФСБ или к учебным заведениям системы ФСБ), можно считать Олега Мозохина. Он является сотрудником Центрального архива ФСБ и членом «Общества изучения истории отечественных спецслужб». Мозохин стремится в первую очередь спасти «честь мундира» спецслужб, что вполне закономерно, учитывая очевидную для России тенденцию реабилитации сотрудников НКВД, осуждённых в 1937–1941 и 1954–1961 годах¹⁴. В полном соответствии с названием своей монографии «Право на репрессии» Мозохин выступает против недопустимой, с его точки зрения, криминализации органов государственной безопасности. Он пишет о том, что госбезопасность получила свои «внесудебные полномочия» от верховных законодательных органов государства¹⁵. Таким образом, Мозохин сводит роль органов государственной безопасности к чисто исполнительной¹⁶. Он прав, когда ссылается на то, что создание таких внесудебных органов, как Особое совещание, «двойки» и «тройки», в которых НКВД играл доминирующую роль, осуществлялось на основании законодательных актов или решений политбюро ЦК ВКП(б). То же самое справедливо в отношении многочисленных приказов, директив и инструкций, которые сопровождали и направляли работу «органов». Однако Мозохин слишком уж явно тщится защитить госбезопасность от возможной критики. Осуществление и рост масштабов массовых репрессий, да и сам «Большой террор» предстают в его описании, прежде всего, как, возможно, чересчур резкая, однако легитимная реакция политического руковод-

¹⁴ О реабилитации ряда сотрудников НКВД, которые участвовали в массовых репрессиях, см.: *Тепляков А.Г.* Органы НКВД Западной Сибири в «кулацкой операции» 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. Р. Биннер, Б. Бонвеч, М. Юнге. – М., 2009. – С. 536–571; *Он же.* Парадоксы реабилитации // Российские социалисты и анархисты после октября 1917 г. Исследовательская программа НИПС «Мемориал». «Социалисты и анархисты – участники сопротивления большевистскому режиму. Режим доступа: <http://socialist.memo.ru/discuss/d01/d0103.htm> (дата обращения 07.03.2015).

¹⁵ *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. 1918–1953. – М., 2006. – С. 20–22.

¹⁶ Там же. – С. 193–194.

ства на внешнеполитические и внешнеэкономические угрозы. А во вторую очередь – как следствие борьбы за власть внутри советской политической элиты (речь идёт о «левом» и «правом» уклонах в партии)¹⁷.

Для Мозохина фоном и контекстом репрессий является психическая предрасположенность Сталина к насилию, его борьба за единоличную власть, равно как и его стремление установить бюрократическую систему управления¹⁸. В то же время непосредственно внутривнутриполитические факторы, включая повседневное подавление сопротивления и инакомыслия в обществе, осуществление государственного контроля упоминаются Мозохиним мимоходом. Инициативы НКВД по борьбе с «врагами народа», равно как стиль и методы деятельности чекистов практически не находят у Мозохина освещения. Таким образом, он игнорирует собственную заинтересованность органов госбезопасности в репрессиях, замалчивает свободу рук, которую они имели, а также отрицает совокупную ответственность госбезопасности и милиции. Когда же эту щекотливую тему избежать не получается, как в случае с массовыми операциями, то НКВД обеляется: якобы основная масса сотрудников подвергалась давлению со стороны партийного и собственного руководства; их обманывали, натравливали и даже принуждали к «нарушению социалистической законности»¹⁹. Остальные авторы, принадлежащие к этому направлению в историографии, ещё более откровенно стремятся оправдать чекистские органы. Они утверждают, что НКВД выполнял противоправные приказы, поскольку у чекистов не было другого выбора. В случае отказа от проведения массовых репрессий сотрудники НКВД сами бы стали жертвами.

Другой вариант оценки карательной деятельности НКВД предлагал российский историк Виктор Данилов, который утверждал, что в органах НКВД существовало серьёзное сопротивление подготовке и проведению массовых репрессий. Из

¹⁷ Мозохин О.Б. Право на репрессии... – С. 14–15, 17.

¹⁸ Там же. – С. 14.

¹⁹ Там же. – С. 146, 158, 161, 171.

факта ареста в июле 1937 г. ряда высокопоставленных сотрудников НКВД Данилов делает вывод, что причиной этих арестов послужил дух сопротивления, якобы свойственный чекистам, которые не забыли о негативном опыте коллективизации и индустриализации 1928–1933 гг.: «[...] в этой среде было нежелание участия в кровавой расправе с тысячами невинных людей»²⁰. Ряд других авторов полагает, что критическое отношение к террору имело место даже на низших ступенях иерархии НКВД, что привело к стремлению дистанцироваться от спущенных сверху приказов. Эта позиция создаёт впечатление, что сотрудники НКВД низшего звена правильно «расшифровали» преступные намерения руководства, однако ничего не могли поделать против репрессивных приказов, спущенных сверху²¹.

Третье течение представляют российский историк Алексей Тепляков (Новосибирск) и украинский историк Вадим Золотарёв (Харьков). Они применяют двоякую методу: с одной стороны, они реконструируют биографии ведущих представителей органов госбезопасности Сибири и Украины²². С другой – ис-

²⁰ Данилов В.П. Советская деревня в годы «Большого террора» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: В 5-и т. 1927–1939 / Сост. В. Данилов, Р. Маннинг, Н. Охотин и др. – М., 2004. – Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937. – С. 34–35, 43.

²¹ Каманов В. Чекистская междоусобка // Кузбасс (Кемерово). – 1997. – 13 ноября; Овчинников В., Павлов С. Глас вопиющего... в застенках НКВД // Юрга. – 2004. – 15 декабря. – С. 5; Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. – М., 2003. – С. 110–112; Лейбович О. Сотрудники НКВД в Прикамье в 1937–1938 гг. (неопубликованная рукопись конференции «Les mécanismes de la terreur», 9–11.12.2007, Париж).

²² См.: Тепляков А.Г. Опричники Сталина. – М., 2009; Он же. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 гг. // Минувшее. – М.; СПб. – 1997. – № 21. – С. 240–293; Шаповал Ю., Золотарёв В. Всеволод Балицкий. Особа, час, оточення. – К., 2002; Золотарёв В. Олександр Успенський. Особа, час, оточення. – К., 2004; Його ж. Випробування совістю. Сторінки біографії комисара держбезпеки 3 рангу С. Мазо // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 2000. – № 2/4. – С. 374–389; Його ж. ЧК–ДПУ–НКВС на Харківщині. Люди та долі. 1919–1941. – Харків, 2003; Його ж. Секретно-політичний відділ ДПУ УСРР: справи та люди. – Харків, 2007. Большое значение для историографии «карателей», которая всё ещё находится в зачаточном состоянии, а также для реконструкции биографии сотрудни-

следуют механизмы террора²³. Используя аналогичный подход, Александр Ватлин (Москва) опубликовал исследование в жанре микроистории²⁴. Тепляков, анализируя «психологию, обычаи и нравы» чекистов, пришёл к выводу о клановой структуре, свойственной органам госбезопасности. Он описывает не только систему патроната и персональной клиентелы, но и коррумпированность органов, готовность чекистов прибегнуть к издевательствам и пыткам, равно как и к фальсификациям материалов следствия. Лояльность чекистов по отношению к режиму обеспечивали система привилегий в комбинации с боязнью в любой момент самим превратиться в жертву²⁵. Золотарёв создаёт свои работы преимущественно в биографическом ключе, хотя и пытается делать это в рамках институционального подхода.

«Каратели» рассматриваются в историографии в первую очередь как составная часть и обезличенный инструмент государственных и партийных метаструктур. В том числе сам автор настоящей статьи, описывая роль секретаря «тройки» на примере УНКВД Алтайского края, фактически затушёвывает индивидуальные особенности и действия конкретного человека, в результате чего в конечном итоге возникает, хотя и не-

ков карательных органов имеет биографический справочник, подготовленный Н. В. Петровым и К. В. Скоркиным. См.: *Петров Н., Скоркин К. Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник.* – М., 1999.

²³ *Тепляков А.Г.* Сибирь. Процедура исполнения смертных приговоров в 1920–1930-х годах // *Голоса Сибири. Литературно-художественный альманах.* – 2006. – № 4. – С. 213–277. Режим доступа: http://golosasibiri.narod.ru/almanah/vur_4/027teplyakov_04.htm (дата обращения 13.12.2015); *Он же.* Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – М., 2008; *Он же.* Органы НКВД Западной Сибири в «кулацкой операции» 1937–1938 гг. // *Сталинизм в советской провинции. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. Р. Биннер, Б. Бонвеч, М. Юнге.* – М., 2009. – С. 536–571; *Васильев В.* Механізми «великого теорру»: місцевий зріз (діяльність обласних УНКВС у лютому–листопаді 1938 р.) // *3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ.* – 2007. – № 1 (28). – С. 135–157.

²⁴ *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба: «массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. – М., 2003.

²⁵ *Тепляков А.Г.* Машина террора. – С. 346–454; 465–593; *Он же.* Опричники Сталина. – М., 2009. – С. 9.

преднамеренно, образ безучастного кабинетного преступника, лишённого каких-либо эмоций. Только в отдельных случаях историкам удавалось нарисовать образ советского «карателя» как индивидуума. Когда же это происходило, то речь шла почти исключительно о чекистах, которые выделялись из общей массы своим особым энтузиазмом в осуществлении репрессий, цинизмом, выдающимся организаторским талантом и т. д. В итоге в историографии доминируют исследования, посвящённые этим «исключительным» личностям. Что же касается «среднестатистических карателей», то из-за дефицита источников до сего времени были написаны только два портрета: речь идёт об А. Г. Агапове, начальнике РО НКВД Солтонского района Алтайского края,⁷ и В. Д. Качуровском, сотруднике КРО УНКВД по Новосибирской области²⁶.

До настоящего момента в области историографии репрессий сделаны лишь первые осторожные шаги в новом направлении, вне рамок доминирующего подхода изучения «карателей» как составной части карательных институтов. Сегодня историки стали обращать внимание на социологические (социальное происхождение и актуальное социальное положение), ситуативные (модус вивенди в определённой обстановке) и индивидуальные аспекты. В свою очередь, это поставило исследователей перед необходимостью изучать механизмы прекращения массовых операций НКВД. Это обусловлено тем, что важнейшим рычагом, позволившим сначала затормозить репрессии в конце лета 1938 г., а потом и окончательно остановить их, стало обвинение в «нарушении социалистической законности», выдвинутое в адрес активистов и «передовиков» репрессий. Целый ряд постановлений, директив и приказов цинично обвинял органы госбезопасности в «эксцессах» и «перегибах», отведя им роль единственного козла отпущения. Новый народный комиссар внутренних дел Лаврентий Берия выступил от имени НКВД с самокритикой, а также отдал приказ осудить факты «на-

²⁶ Юнге М., Жданова Г.Д. Проведение карательной акции в Солтонском районе Алтайского края // Массовые репрессии в Алтайском крае... – С. 432–479; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора... – С. 419–422.

рушений социалистической законности» на специально созданных собраниях сотрудников НКВД. Органы прокуратуры, в свою очередь, получили поручение провести соответствующие расследования и организовать судебные разбирательства. В попытке обелить себя сотрудники НКВД в массовом порядке писали письма, адресованные партийным организациям, прокуратуре или собственному начальству. Так началось наказание «карателей».

Когда историки получили возможность работать с архивно-следственными делами жертв массовых операций НКВД, они обнаружили, что вместе с материалами следствия зачастую были подшиты дополнительные материалы 1938–1941 гг. (редко) и 1954–1961 гг. (часто). Эти документы, которые служили основанием для пересмотра приговоров и реабилитации репрессированных, включали в себя выдержки из материалов следствия и судебных процессов над сотрудниками госбезопасности и милиции. Речь в них шла о фальсификациях, пытках и других формах «нарушения социалистической законности». В Государственном архиве Новосибирской области было найдено уже упомянутое выше письмо В. Д. Качуровского, датированное 1939 г., в котором тот, хотя и критиковал массовые репрессии, тем не менее, пытался оправдать свои действия и действия управления НКВД в целом. В украинских архивах были обнаружены и опубликованы первые материалы партийных собраний управлений НКВД 1938–1940 гг., на которых во главе повестки дня стоял вопрос о «нарушениях социалистической законности». Кроме того, в научный оборот были также введены соответствующие донесения и рапорты прокуратуры²⁷. Их ценность, в качестве документального источника, заключается, в том числе в том, что они дают возможность анализировать конкретные преступления определённой группы «карателей» из числа сотрудников госбезопасности и милиции, которые предстают в документах как индивидуумы. В результате, анонимные карательные институты и структуры обретают своё «персональное лицо». Кроме того, материалы прокуратуры оп-

²⁷ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора... – С. 422–425.

ровергают версию партийно-советского руководства, что в целом репрессии были оправданными и необходимыми, и необходимо лишь наказать отдельных чекистов за «эксцессы» и «перегибы».

Отметим, до этого времени только отдельные авторы задавались вопросом о мотивах преследования сотрудников карательных органов в 1938–1941 и 1954–1961 гг. Например, Леонид Наумов выразил мнение, согласно которому первая волна процессов над «карателями» непосредственно после «Большого террора» послужила тому, чтобы ослабить клановую структуру НКВД и перегруппировать кадры в интересах новой конъюнктуры карательной политики, сводившейся теперь к выборочным репрессиям²⁸. Тимоти Блаувельт и Никита Петров интерпретировали наказания чекистов как средство, которое позволило разрушить «ежовский клан» и заполнить освободившиеся места сторонниками Л. Берии²⁹. В свою очередь, другой «учёный», Р. Шамсутдинов, с явно выраженной антисемитской ориентацией, приписывает Сталину намерение очистить органы госбезопасности от «еврейских элементов», которые стали вести себя слишком самостоятельно³⁰. Автор настоящей статьи высказывал гипотезу о том, что наказание карателей было

²⁸ *Наумов Л.* Сталин и НКВД. – М., 2007. – С. 335, 344–345; *Тумшиц М.* ВЧК. Война кланов. – М., 2004.

²⁹ *Blauvelt T.K.* March of the chekists. Beria's secret police patronage network and Soviet crypto-politics // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2011. – № 44. – P. 73–88; *Wehner M.* Wer waren Stalins Vollstrecker? Ein russisches Handbuch legt den Grund für eine Täterforschung des Stalinismus // *FAZ*. – 2000. – 30. – März.

³⁰ *Šamsutdinov R.* Kišlok fošeasi. Žamoališggiriš, surgun [Трагедия Кишлока. Коллективизация, раскулачивание, ссылка в среднеазиатских республиках]. – Taškent, 2003 (<http://www.centrasia.ru/newsA.php4?=-108206736>, дата обращения 11.11.2011). См. также: *Білокінь С.* Соціальний портрет чекістів // *Персонал*. – 2003. – № 8. – С. 39–46; *Його жс.* Двадцять років єврейської державності в Україні, 1918–1938 // *Персонал*. – 2004. – № 1. – С. 18–20; № 2. – С. 18–27. Режим доступа: <http://www.ukrcenter.com/library/read.asp>. (дата обращения 07.03.2015). Историк и журналист М. Венер на основании статистических выкладок высказывает предположение об антисемитских тенденциях в советском руководстве. См.: *Wehner M.* Wer waren Stalins Vollstrecker? // *FAZ*. – 2000. – 30. – März.

призвано дисциплинировать сотрудников НКВД и ограничить компетенции органов госбезопасности прежними правовыми рамками³¹.

Что же касается судебных процессов над чекистами 1954–1961 гг., то в историографии они интерпретируются исключительно как политический инструмент, то есть как составная часть кампании по десталинизации и реабилитации. При этом аспект расследования и освещения преступлений не играл для власти большой роли. Согласно Никите Петрову, Хрущёв не был заинтересован в действительном освещении и расследовании репрессий, поэтому в годы его правления не было организовано широкое осуждение «нарушителей социалистической законности». Их судили только выборочно, в показательных целях, чтобы вызвать у населения чувство удовлетворения и восстановленной справедливости, а также легитимировать массовые освобождения из лагерей и реабилитацию³². Тимоти Блаувельт представляет точку зрения, согласно которой наказание «карателей» в хрущёвскую эру, в первую очередь, служило тому, чтобы нейтрализовать сторонников Берия³³.

Канадский историк Линн Виола в своём обзоре историографии вопроса «карателей» и карательных органов в Советском Союзе предлагает, проводя сравнение с нацистскими преступниками, уделить особое внимание «экосистеме террора» (Ecosystem of Violence), в рамках которой действовали «каратели». При этом исследование должно быть организовано двояко: с одной стороны, необходимо анализировать специфические рос-

³¹ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора... – С. 408–414.

³² См. сообщение Терезы Таммер по докладу Никиты Петрова на учредительном заседании серии «Stalinistischer Terror in der Sowjetunion und in Osteuropa. Neue Forschungen zu Tatern – Opfern – Folgen», 22 июня 2011, Bundesstiftung. Режим доступа: http://de-de.facebook.com/note.php?note_id=227987700557688 (дата обращения 07.03.2015).

³³ *Blauvelt T.K. March of the chekists... – P. 85–87; Blauvelt T.K. Patronage and betrayal in the post-Stalin succession. The case of Kruglov and Serov // Communist and Post-Communist Studies. – 2008. – Vol. 41. – № 1. – P. 1–16; Knight A. W. Beria. Stalin's first lieutenant. – Princeton, 1993; Соколов Б. Берия. Судьба всесильного наркома. – М., 2003; Топтыгин А. Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. – М., 2005.*

сийские/советские условия, то есть специфику административной системы, политическую культуру, паранойю режима в отношении «врагов народа», социальный фон репрессий, а также культуру насилия, зародившуюся в годы гражданской войны, включая факторы, которые её усиливали; с другой стороны, внимание должно уделяться общим закономерностям процесса модернизации³⁴.

Ныне очевидно, что проблемы историографии советских «карателей» во многом сводятся к тому, что историки были вынуждены использовать в качестве основной источниковой базы для реконструкции поведения, мышления и психологии чекистов только лишь выдержки из доступных на сегодня материалов архивно-следственных дел или незначительное число ходатайств, жалоб и заявлений самих сотрудников госбезопасности, оказавшихся на скамье подсудимых по обвинению в «нарушении социалистической законности» в 1938–1941 и 1954–1961 гг. В большинстве случаев выдержки из материалов судебного разбирательства, приобщённые к архивно-следственным делам, не имеют ничего общего с данным конкретным делом. Историография постоянно основывается на одних и тех же показаниях ограниченного числа чекистов, в которых признаётся применение пыток, фабрикация улик или следственных дел в целом, а также манипуляция показаниями свидетелей.

Все до сих пор обнаруженные документы такого рода характеризуются высокой степенью селективности. В результате они диктуют совершенно определённую интерпретацию: в первую очередь тенденциозный образ садиста-чекиста, мучителя по натуре, подверженного влиянию алкоголя. Эти документы практически вынуждают большинство исследователей выстраивать дистанцию между обществом и чекистами за счёт криминализации и демонизации последних. Они едва ли позволяют проследить социальное происхождение, а также мировоззрение сотрудников госбезопасности³⁵. Кроме того, на их

³⁴ Viola L. The Question of the Perpetrator in Soviet History // *Slavic Review*. – 2013. – Vol. 72. – № 1. – P. 1–23.

³⁵ См.: *Золотарьов В.А., Рущенко И.Р.* Початок і фінал кар'єри першої хвилі чекістської верхівки України: соціально-статистичний аналіз // *Наукові*

основании почти невозможно произвести последовательный демонтаж мифа о чекистах исключительно как о жертвах давления сверху, а потом и репрессий. По тем же самым причинам в историографии фактически отсутствует описание взаимодействия между карательной машиной и индивидуумом. То же самое можно утверждать в отношении публикаций Никиты Петрова – видного представителя российской историографии советских карательных органов. Сотрудники госбезопасности, милиции и в его работах лишены индивидуальных характеристик, несмотря на доминирующий биографический подход. Кроме этого, историками уделяется мало внимания ситуативным аспектам репрессивной повседневности или, соответственно, разнице в поведении «карателей» в различные периоды советской истории³⁶. Следствием этого является деперсонализация и абстрагирование фигур «карателей».

Украина и Грузия

Отправной точкой настоящего исследования является современная историография «Большого террора» и карательных органов, всё ещё фрагментированная и характеризующаяся наличием серьёзных лакун. Научный анализ также опирается на существенно расширенную источниковую базу и структурированные методологические размышления. Наша работа посвящена исследованию жизни и деятельности сотрудников карательных органов бывшего Советского Союза. В центре внимания находится определённая группа сотрудников карательных органов, а именно тех, кто в ходе «Большого террора» 1937–1938 гг. планировал, руководил и осуществлял массовые

записки Харківського економіко-правового університету. – 2004. – № 1. – С. 158–169; *Тепляков А.Г.* Опричники Сталина. – С. 52–54. См. всесоюзную статистику, которая подтверждает эту оценку: *Wehner M.* Wer waren Stalins Vollstrecker? // *FAZ.* – 2000. – 30. – März.

³⁶ Олег Хлевнюк констатировал, что ни в личной, ни в политической биографии Ежова нет предпосылок к тому, чтобы в годы «Большого террора» он превратился в активного и послушного исполнителя воли Сталина. См.: *Chlewnjuk O.* Das Politbüro... – S. 282. Биография Ежова до его назначения на пост наркома внутренних дел приводится в том числе в: *Getty J.A., Naumov O.V.* *Ezhov: The Rise of Stalin's «Iron Fist».* – New Haven, 2008.

репрессии. Речь идёт о сотрудниках органов госбезопасности и милиции республиканского, краевого и областного уровня, которые позднее сами превратились в «жертв», то есть преследовались в уголовном порядке за «нарушения социалистической законности». Другие группы лиц, принимавших активное участие в массовых репрессиях (партийные работники, сотрудники органов прокуратуры и т. п.) рассматриваются здесь лишь в тех случаях, когда это помогает более полно выяснить роль сотрудников тайной полиции и милиции. Концентрируясь только на госбезопасности и милиции, мы поддерживаем и продолжаем уже частично предпринятые в историографии попытки, целью которых является идентификация группы лиц, несущих ответственность за репрессии на среднем и низшем институциональном уровнях. Таким образом, исследование существенно отличается от доминирующей до сего времени фиксации только на ряде руководящих деятелей партии и государства (в первую очередь И. В. Сталин) и тайной полиции (Н. И. Ежов, Л. П. Берия), которая вполне объяснима, принимая во внимание дефицит архивных источников. Особенно благоприятная ситуация для реализации такого исследовательского подхода сложилась в двух бывших республиках СССР – в Украине и в Грузии. Банальная причина такого географического распределения заключается в том, что именно в этих государствах в необходимом объёме доступны соответствующие архивные документы³⁷. В особенности архивы Украины, которую можно характеризовать как «Советский Союз в миниатюре»³⁸, дают основания для выводов, применимых к СССР в целом.

В результате должны быть воссозданы профили групп и отдельных сотрудников госбезопасности и милиции среднего (область и край) и низшего (район и город) уровня. Эти профили/срезы будут использованы, с одной стороны, в интере-

³⁷ Спецслужбы Российской Федерации систематически препятствуют доступу исследователей к делам сотрудников НКВД. Однако некоторые привилегированные историки, близкие к спецслужбам, имеют возможность ознакомиться с такого рода документами.

³⁸ Украина, как и Казахстан, располагала разветвлённой административно-территориальной системой, включавшей в себя 12 областей.

сах проведения анализа структур репрессивного механизма 1937–1938 гг., с другой – для изучения механизмов и мотивов «наказания карателей» в 1938–1941 гг. и 1954–1961 гг. При этом центральную роль играют следующие аспекты:

1) Индивидуальное поведение сотрудников карательных органов различного уровня во время репрессий. Особенный интерес представляет рассмотрение «коэффициента напряжения» взаимоотношений индивидуума и структуры, при этом субъективные измерения позиций и мотивов «карателей» должны быть соотнесены с карательными метаструктурами, а «каратели» включены в институциональный и ситуативный контексты.

2) Реконструкция биографий сотрудников карательных органов (социальное происхождение, образование, партийная карьера, социальное положение). Таким образом, они будут включены в конкретные общественные и политические обстоятельства, что сделает возможным оценку совершенных ими преступлений помимо антропологических констант. В то же время темой исследования станут действия режима в отношении своих собственных кадров.

3) Показания/свидетельства «карателей» о совершенных ими преступлениях, сделанные как непосредственно после завершения «Большого террора» в ходе следствия и осуждения в 1938–1941 гг., так и в период хрущёвской десталинизации в 1954–1961 гг. Речь здесь идёт о самовосприятии «карателей» и одновременно – о механизмах самооправдания и стратегиях защиты. Одновременно (в дополнение к пункту 2) этот аспект будет использоваться для включения «карателей» в общественный и политический контексты.

4) Высказывания/заявления о «карателях» и их преступлениях, относящиеся к сентябрю 1938–1941 г., а также ко времени десталинизации 1954–1961 гг., которые были сделаны в рамках собраний НКВД, следствия и судебных процессов. Исходя из стороннего восприятия «карателей» сотрудниками прокуратуры и свидетелями (к последним относились жертвы и бывшие коллеги), будет выявлена роль политической и общественной функции как судебного, так и внутреннего расследования преступлений, официально объявленных «перегибами». Сос-

тавной частью такого ракурса изучения выступает реакция аппарата тайной полиции и руководства НКВД на «нападки» со стороны прокуратуры.

Одним из главных результатов исследования должна стать демаркация той разделительной линии, которая была проведена между «карателями» и обществом в хрущёвскую эру и с тех пор латентно присутствующей в историографии. Таким образом, будет отдана дань тезису, согласно которому «каратели» являлись неотъемлемой частью и продуктом советского общества, а их представления и образ мыслей отвечал идеологии и мотивам государственной власти.

Цель нашего исследования также состоит в изучении жизни и деятельности «карателей» в СССР в качестве самостоятельного направления историографии, которое с учётом советской специфики, будет «вписано» в общую дискуссию о массовом государственном насилии в XX веке, а также о проводниках и исполнителях государственного насилия. Кроме того, нашей задачей является создание базы документальных материалов для государств – бывших республик СССР, которая должна послужить основанием для предстоящей широкой общественной работы по осмыслению ужасов и последствий «Большого террора», а также созданию соответствующих «территорий памяти». Таким образом, должны быть поддержаны начинания правозащитной организации «Мемориал» и Музея и общественного центра «Мир, прогресс и права человека» им. Андрея Сахарова.

Постановка вопроса и источниковая база

Официальным обоснованием проведения судебных процессов над рядом сотрудников НКВД, начиная с лета 1938 г. по 1941 г., выступало утверждение, согласно которому подсудимые в ходе в целом успешной кампании по борьбе с «врагами народа» систематически нарушали «социалистическую законность» и поэтому дело дошло до «эксцессов» во время арестов, следствия и осуждения. В ходе десталинизации эта интерпретация также в целом не подвергалась сомнению, напротив, она была расширена заявлением о том, что «эксцессы» стали возможны лишь потому, что во главе страны стоял Сталин. Таким образом,

партия, государство и советское общество были освобождены от какого-либо обвинения в соучастии в «Большом терроре».

Новые источники из архивов Украины и Грузии предлагают сегодня возможность отказаться от этой интерпретации. Впервые исследователям оказались полностью доступны в достаточном количестве материалы судебных процессов, а также многие дополнительные документы. Теперь у них есть возможность ввести в научный оборот также показания самих «карателей», их коллег и свидетелей, содержащие данные о повседневности террора. Помимо этого, архивно-следственные дела включают в себя такие документы, как письма самих «карателей» и их родственников, а также улики.

Однако изменение перспективы исследования возможно не только на основании расширения источниковой базы. Так, теперь больше не рассматривается как недостаток для исследования то, что как в сталинское время, так и в хрущёвскую эру процессы над «карателями» были мотивированы в первую очередь политически и тактически. Напротив, именно основываясь на политической и тактической мотивации, можно исходить из того, что наказывались не столько эксцессы или отдельные садисты, карьеристы, психопаты и «ненадёжные» элементы, как это утверждалось официально, сколько представители среднестатистической группы сотрудников карательных органов. Они были примерно наказаны и пострадали за деятельность НКВД в целом. Знакомство с архивными документами только укрепляет это впечатление.

С помощью новых источников можно также противодействовать распространённой в историографии тенденции деперсонализации и абстрагирования «карателей». Возможность рассматривать «карателей» как индивидуумов дают в первую очередь их личные дела и собственноручные автобиографии.

Мы также дискутируем с утверждением, что госбезопасность и милиция были «чисто» исполнительными органами, что освобождает их от ответственности за содеянное. Встречный тезис гласит, что именно в ходе «Большого террора» 1937–1938 гг. сотрудники карательных органов располагали существенной как институциональной, так и индивидуальной сво-

бодой рук, но при этом они также стремились к выполнению директив руководства, которое сделало возможным для них такое поведение³⁹.

Новую, особенно интересную перспективу открывают показания и заявления «карателей», сделанные в условиях континуума власти одного центра, но с режимом функционирования, который изменялся под воздействием политической конъюнктуры. Другими словами: советской спецификой является то, что политика, обозначенная в источниках как «наказание нарушений социалистической законности», фактически означала, что режим критиковал в 1938–1941 гг. те действия, которые он незадолго до этого не только допустил, но и ожидал от своих институций и кадров, хотя никогда не требовал их *expressis verbis*⁴⁰. «Карателей» сначала подтолкнули к сознательному нарушению действующих законов, а затем за это и осудили.

Что же касается мотивов осуждения «карателей» в 1938–1941 гг., то исследователи, как правило, исходили из того, что эти процессы имели чисто инструментальные цели, а именно – остановить массовые репрессии, произвести смену кадров, решить проблему кланов в НКВД, вернуть карательные органы в рамки прежних полномочий и найти «козлов отпущения». В дополнение к этому нами выдвигается тезис, согласно которому речь шла о типично сталинской рационализации террора (ключевое слово здесь «эксцессы»). Этот недвусмысленный сигнал был адресован государственному аппарату, в то время как обвинение в заговоре в НКВД, сыгравшее решающую роль в смещении Ежова, уже не было больше востребовано. Ключевую роль здесь сыграла практика строгой конспирации или полузакрытого⁴¹ проведения процессов над «перегибщиками», которая также должна выступить предметом анализа.

³⁹ Первые размышления в этом направлении можно также найти у Дэвида Ширера. См: *Shearer D. Policing Stalin's Socialism. Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953.* – Stanford, 2009; *Hagenloh P. Stalin's Police. Public Order and Mass Repression in the USSR, 1926–1941.* – Baltimore, 2009; См. также: *Jansen M., Petrov N. Stalin's loyal Executioner...* – Standford, 2002.

⁴⁰ С полной ясностью, совершенно четко, «открытым текстом».

⁴¹ «Полузакрытый» означает, что небольшое количество процессов протекало с участием приглашённой публики из числа партийно-государственных

Новым является также намерение рассмотреть роль прокуратуры в ходе расследования дел «нарушителей социалистической законности» не только как рычага в руках политического руководства для проведения мероприятий по обеспечению сохранности власти (подтверждение легитимности коммунистического руководства в условиях имевшего место массового нарушения существующего законодательства). Источники указывают на то, что прокуратура, по меньшей мере, в процессе следствия, действительно была заинтересована в эффективном расследовании преступлений и, соответственно, случаев нарушения законности. При этом прокуратура могла демонстрировать определённую объективность, поскольку на пике массового террора она играла только подчинённую роль. Таким образом, речь идёт о выстраивании контрапункта в отношении исключительно политической трактовки прокурорского следствия и судебных процессов, царящей в историографии.

Итак, новым в заявленном исследовании следует считать источниковую базу, а инновацией – изменение исследовательской перспективы, нацеленной на создание дифференцированного образа сотрудника карательных органов СССР.

Методы и материалы

Изучение сотрудников карательных органов осуществлялось с помощью специфического вида источников, а именно материалов следствия и судебных процессов в отношении «карателей». Главными среди материалов являются документы следствия и судебных процессов «малой бериевской оттепели»⁴² 1938–1941 гг. в Украине. После допросов и следствия

функционеров, а на собраниях сотрудников НКВД присутствовало большое количество чекистов, представителей местного партийного руководства и прокуратуры.

⁴² Обозначение периода между завершением «Большого террора» и началом «Великой Отечественной войны» как «малой бериевской оттепели» восходит к историку П. Хински. См. *Chinsky P. Micro-histoire de la Grande Terreur. La fabrique de culpabilité à l'ère stalinienne.* – Paris, 2005. В свою очередь, российский историк Борис Старков уже давно открыл «либерального Берия», «либеральность» которого, помимо событий 1953 г., определялась чистками НКВД 1939–1941 гг.

многие из чекистов – точное число неизвестно – были выведены в качестве обвиняемых на судебные процессы, которые продолжались в основном до нападения Германии на СССР в 1941 г. Короткий промежуток, разделявший время «Большого террора» и начало процессов, несомненно, предопределил специфическое качество материалов следствия.

Своё историческое измерение исследование приобретает за счёт двойного сравнения. С одной стороны, ключевые материалы «малой бериевской оттепели» сравнивались с материалами «нормальных» процессов времён «большой чистки» 1936 – лета 1938 гг. в отношении сотрудников госбезопасности, обвинённых в заговоре в НКВД, с другой стороны, для сравнения были привлечены материалы процессов над «карателями» времён десталинизации.

Ретроспективный взгляд на 1936 – лето 1938 гг. означает сравнение с кампанией «корчевания троцкистского и бухаринского заговоров в НКВД», в первую очередь – в Украине. Именно потому, что в данном случае обвинение в «нарушении социалистической законности» почти не играло роли, документы этой кампании дают возможность выявить различия и конъюнктуру обращения с органами госбезопасности и милицией при одном и том же политическом режиме и сфокусировать внимание на непосредственном историческом контексте. Такое внезапное, на первый взгляд, фундаментальное изменение «содержания» обвинения до сего момента не являлось объектом исследования.

Но материалы процессов времён «малой бериевской оттепели» не были для нас единственным источником. Они дополнились стенограммами протоколов внутренних собраний сотрудников НКВД 1939–1941 гг., темой которых также выступал вопрос «нарушения социалистической законности». Это же справедливо в отношении материалов 1-го спецотдела государственной прокуратуры Украины, занимавшегося расследованием «нарушений соцзаконности». Что касается личных дел «карателей» (госбезопасность и милиция), то они «закрывают» собой весь временной промежуток 1936–1941 гг.

Когда речь заходит о сравнении «малой бериевской оттепели» с десталинизацией, нами привлекались материалы про-

цессов, которые были проведены в 1954–1961 гг. в Грузинской ССР в отношении сотрудников НКВД, обвинённых в нарушении «социалистической законности» в годы «Большого террора». Особенность Грузии заключалась в том, что на фоне смещения и казни Л. П. Берии в республике состоялось большое количество процессов, в том числе в 1955 г. в Тбилиси был организован полузакрытый процесс под председательством генерального прокурора СССР Р. А. Руденко. Методологически на первом месте здесь стоит выявление различия и схожести этих процессов с процессами 1938–1941 гг.

Что касается изучения реакции тайной полиции на проводимые прокуратурой расследования, то в нашем распоряжении имеется обширная переписка и директивы московского руководства НКВД/КГБ. Эти документы позволяют подвергнуть более тщательному исследованию реакцию органов госбезопасности и выявить намерения политического руководства страны.

С исследовательской точки зрения необходимо также «вписать» задокументированные свидетельства «карателей» в исторический контекст времени, как непосредственно после «Большого террора», так и хрущёвской оттепели. То же верно в отношении редких воспоминаний бывших сотрудников НКВД⁴³.

Методологический базис

Методологическим базисом исследования выступает историография карательных органов и «карателей» национал-социалистической диктатуры, добившаяся существенных успехов. Конечно, было бы неразумным задаться целью прямого сравнения, этому препятствуют коренные различия исторических процессов. Отличительной чертой Германии является публичный, научно сопровождаемый дискурс о «карателях», который, и это следует отметить особо, зародился и стал развиваться под давлением извне, со стороны союзников, после поражения нацистов, в ходе Нюрнбергского и ему подобного процессов. В Советском Союзе, напротив, следствие и процессы

⁴³ Самыми известными и информативными являются мемуары М. П. Шрейдера. См.: *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри. Записки чекиста. – М., 1995.

над «карателями» проходили либо в полной тайне, либо полугласно, да ещё и в условиях сохранения политического режима и масштабной личной преемственности. Отсюда следует сделать вывод, что в СССР в ходе наказания «карателей» речь шла о сохранении коммунистической власти, в отличие от послевоенной Германии, для которой на первом месте стояла критика национал-социализма и расследование обстоятельств преступлений.

Взгляд на Нюрнбергский процесс и другие судебные разбирательства, последовавшие вслед за ним в Германии, если только они касались не военных преступлений, а преступлений против человечности, позволяет заметить ещё одно существенное различие. «Каратели», осуждённые на процессах в Германии, в отличие от подсудимых «советских» процессов, не были вынуждены в своё время совершать то, что теперь им вменялось в вину государством. В случае СССР держава в итоге наказывала их за то, что ранее сама приказала им совершить, к чему подталкивала или, по меньшей мере, относилась терпимо. Необходимо также проверить, стали ли советские «каратели» в правовом смысле сами жертвами в результате проведённых после «Большого террора» судебных процессов (и если да, то в какой степени), то есть отличались ли методы следствия в их отношении от тех, которые им инкриминировались.

Цели исследования сформировались под прямым воздействием и влиянием размышлений Кристофера Браунинга о «карателях» как об обычных людях («Ordinary Men») и дискуссии вокруг образа «карателей» в публикациях Даниэля Гольдхагена⁴⁴. Также учитывались социально-психологические соображения Гаральда Вельцера и адресованный ему упрёк в том, что

⁴⁴ *Browning Ch.* R. Ganz normale Männer. Das Reserve-Polizeibataillon 101 und die «Endlösung» in Polen. – Hamburg, 1993; *Goldhagen D.J.* Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. – Berlin, 1996; *Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944 / H. Heer, K. Naumann.* – Hamburg, 1995; *Heil J.* Geschichtswissenschaft und Öffentlichkeit: der Streit um Daniel J. Goldhagen. – Frankfurt am Main, 2000; *Aly G.* Biedermann und Schreibtischtäter: Materialien zur deutschen Täter-Biographie. – Berlin, 1987; *Perels J., Freudiger K.* NS-Täter in der deutschen Gesellschaft. – Hannover, 2002.

ему свойственен подчёркнуто антропологический дискурс⁴⁵. Наблюдающийся с начала 1990-х гг. поворот в исследованиях национал-социализма к конкретике и эмпиризму⁴⁶ повлиял на замысел настоящего исследования в той мере, что в рамках проекта была предпринята попытка в духе Петера Лонгериха рассмотреть соотношение человека и государственной машины, диспозиции и ситуации, центра и периферии, намерения и функции, рациональности и идеологии – как различных аспектов исторической действительности, которые влияют и даже взаимно дополняют друг друга⁴⁷. Однако мы также готовы задействовать традиционный дискурс, если речь пойдёт об объяснении феноменов, которые, в конечном итоге, не без основания дают повод к криминализации и демонизации «карателей»⁴⁸. В заключение следует указать на применение компаративного мето-

⁴⁵ *Welzer H.* Täter. Wie aus ganz normalen Menschen Massenmörder werden. – Frankfurt am M., 2005; *Wahrnehmung, die Realität schafft. Ein Gespräch über die Sozialpsychologie von Tätern // Friedländer C.* Den Holocaust beschreiben. Auf dem Weg zu einer integrierten Geschichte. – Göttingen, 2007. – S. 121–160; *Freimüller T., Alexander Mitscherlich.* Gesellschaftsdiagnosen und Psychoanalyse nach Hitler. – Göttingen, 2007; *Milgram St.* Das Milgram Experiment. Zur Gehorsamsbereitschaft gegenüber Autorität. – Reinbek, 1974; *Mitscherlich A.* Gesammelte Schriften / K. Menne, 10 Bde. – Frankfurt a. M., 1983; *NS-Täterforschung: Karrieren zwischen Diktatur und Demokratie.* – Göttingen, 2011. Thema Mensch und Maschine: *Mallmann K.-M.* Die Gestapo nach 1945: Karrieren, Konflikte, Konstruktionen; *Wolfgang Scheffler* zum Gedenken. – Darmstadt, 2009; *Jäger H.* Verbrechen unter totalitärer Herrschaft. Studien zur nationalsozialistischen Gewaltkriminalität. – Frankfurt, 1997.

⁴⁶ *Paul G.* Die Täter der Shoah. Fanatische Nationalsozialisten oder ganz normale Deutsche? – Göttingen, 2002. – S. 13–90; *Bornschein J.* Gestapochef Heinrich Müller. – Leipzig, 2004; *Herbert U.* Best: biographische Studien über Radikalismus, Weltanschauung und Vernunft. 1903–1989. – Bonn, 1996; *Lingen von K.* SS und Secret Service: «Verschwörung des Schweigens». Die Akte Karl Wolff. – Paderborn, 2010; *Mallmann K.-M.* Karrieren der Gewalt: nationalsozialistische Täterbiographien. – Darmstadt, 2004; *Seeger A.* «Gestapo-Müller»: die Karriere eines Schreibtischtäters. – Berlin, 1996.

⁴⁷ *Longerich P.* Tendenzen und Perspektiven der Täterforschung // Politik und Zeitgeschichte. – 2007. – № 14–15. – S. 25.

⁴⁸ *Bettelheim B.* Aufstand gegen die Masse. Die Chance des Individuums in der modernen Gesellschaft. – München, 1960; *Buchheim H., Broszat M., Jacobsen H.-A., Krausnick H.* Anatomie des SS-Staates. 2 Bde. – München, 1967; *Crankshaw E.* Die Gestapo. – Berlin, 1959; *Friedrich J.* Die kalte Amnestie. NS-Täter in der Bun-

да: для анализа механизмов и специфики процессов над советскими «карателями» была привлечена соответствующая литература по национал-социалистической проблематике⁴⁹.

Постановка вопросов

Исходя из целей и методов настоящего исследования, его проблемных рамок и имеющихся источников, командой историков были поставлены конкретные вопросы для научного анализа:

«Каратели» и механизмы преследования

К какому поколению принадлежали, из какого социального слоя вышли осуждённые «каратели»? Каков был их среднестатистический возраст? Национальность?

Почему сотрудники НКВД пошли на «нарушение» социалистической законности? Что способствовало «нарушению»: политический и социальный контекст или скорее «атмосфера» в самих органах НКВД? В какой степени руководство манипулировало кадрами? Что сыграло большую роль – противоправные приказы, подчинённость начальству и социальное давление в самом НКВД или условия репрессивного процесса, основанного на разделении труда между сотрудниками? Имелись ли у них личные мотивы для репрессий и в чем заключался личный вклад

desrepublik. – Berlin, 2007; *Picard M.* Hitler in uns selbst. – Erlenbach/ Zürich, 1946; *Hillberg R.* Täter, Opfer, Zuschauer. Die Vernichtung der Juden 1933–1945. – Frankfurt am M., 1997; *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. – München, 1967; *Krause P.* Der Eichmann-Prozeß in der deutschen Presse. – Frankfurt am M., 2002.

⁴⁹ *Earl H.* The Nuremberg SS-Einsatzgruppen Trial, 1945–1958: Atrocity, Law, and History. – Cambridge, 2009 (Hier ist eine ausführliche Literaturliste zu finden); *Richter I.* SS-Elite vor Gericht: die Todesurteile gegen Oswald Pohl und Otto Ohlendorf. – Marburg, 2011; *Rückerl A.* NS-Verbrechen vor Gericht. Versuch einer Vergangenheitsbewältigung. – Heidelberg, 1982; *Scheffler W.* NS-Prozesse als Geschichtsquelle. Bedeutung und Grenzen ihrer Auswertbarkeit durch den Historiker // Lerntage des Zentrums für Antisemitismusforschung V. Lerntag über den Holocaust als Thema im Geschichtsunterricht und in der politischen Bildung / A. Rücker, W. Bergmann. – Berlin, 1988. – S. 13–27; *Wamhof G.* Das Gericht als Tribunal oder: wie der NS-Vergangenheit der Prozess gemacht wurde. – Göttingen, 2009; *Zimmermann V.* NS-Täter vor Gericht. Düsseldorf und die Strafprozesse wegen nationalsozialistischer Gewaltverbrechen. – Düsseldorf, 2001.

«карателей»? Были ли среди них «сомневающиеся» или энтузиасты? Какую роль играли карьерные соображения и материальные аспекты, а какую – мировоззренческие установки? Каким образом госбезопасности и милиции было разрешено (практически их подтолкнули к этому) «нарушить социалистическую законность» таким образом, как это произошло в ходе массовых операций? Как это помогает нам решить вопрос о контроле сверху за осуществлением «Большого террора»?

«Палачи» и жертвы

Каким образом, в каком масштабе милиция и государственная безопасность, объединённые в составе НКВД, нарушили «социалистическую законность»? В какой мере можно получить документально достоверную информацию о страданиях жертв «Большого террора»? Применяли ли «каратели» систематические пытки? Как этот вопрос выглядел из перспективы «карателей» и как – в восприятии жертв? В какой мере фальсифицировались следственные дела? Имелись ли с точки зрения «карателей» «реальные основания» для осуждения жертв? Имелись ли различия между карательными мерами в отношении элит и т. н. «низовки»⁵⁰, или в отношении национальных меньшинств, «инонационалов»? Не является ли термин «нарушение социалистической законности» в целом лишь приукрашенным описанием антиправового поведения сотрудников НКВД в отношении подследственных?

Государственные и политические мотивы

Были ли судебные преследования «карателей» на самом деле политикой поиска и наказания «козлов отпущения», цель которой – оправдание политического режима задним числом? Шла ли речь во время обоих периодов преследования «карателей» об устранении или ослаблении чекистских кланов и группировок или, напротив, об общей ротации кадров? Играл ли свою роль в устранении отдельных кадров НКВД латентный антисемитизм? Могут ли доступные нам источники доказать связь между осуждением «карателей» и десталинизацией 1954–1961 гг.

⁵⁰ Сленг чекистов того времени.

(на что имеются указания в литературе), а также установить взаимную связь интересов и коммуникаций действующих лиц?

Структура и содержание

Какие подразделения системы юстиции отвечали за организацию и проведение процессов над «карателями»? Какой была общая структура ведения следствия и судебных процессов? Что понималось под «нарушением» социалистической законности? Чем задавались «табу» или границы расследования? Можно ли доказать наличие различий между следствием и осуждением в отношении руководящих кадров и сотрудников НКВД низшего уровня? Развилась ли в ходе судебных процессов над «карателями» собственная неуправляемая динамика с непредсказуемыми последствиями?

Центр и периферия

Какая роль отводилась судебным органам на местах – в республиках, краях и областях (государственная прокуратура и военная юстиция)? В какой степени органы правового надзора (главная военная прокуратура и прокуратура СССР) вмешивались в процессы на местах?

Тайная полиция и коммунистическая партия/государство

Какие дополнительные рычаги были задействованы наряду с судебной системой, чтобы вернуть НКВД в его «нормальные» рамки? Наблюдалось ли взаимодействие между деятельностью прокуратуры и партии? Какую роль партийные организации играли в центре и на местах в расследовании преступлений? Было ли расследование преступлений истинной целью кампании? В какой мере политические задачи, продиктованные Москвой на различных этапах, являлись заранее заданными результатами судебного расследования, и если да, то насколько их придерживались? Осуществлялась ли для этого манипуляция показаниями свидетелей?

Как карательные органы, их сотрудники реагировали на изменение политической конъюнктуры и выдвинутые против них обвинения (с одной стороны, необходимо установить реакцию на действия юстиции центральных и региональных

структур госбезопасности и милиции как организаций, с другой, – выявить, какие индивидуальные стратегии защиты от обвинителей и обвинения выработали бывшие «каратели»)? Как различалось самовосприятие «карателей» и восприятие их прокуратурой и жертвами? Каким образом «каратели» могли избежать осуждения или добиться смягчения наказания? Развилось ли у них представление о собственной вине или они, как правило, перекалывали её на других? Как с увеличением временной дистанции они оценивали свою собственную деятельность в 1937–1938 гг. (психология и специфика мышления)? Насколько на их примере подтверждаются идеи Й. Хеллбека об образовании специфической советской социалистической идентичности⁵¹? Оставило ли наказание свой след на «карателях»? Как «каратели» реагировали на самое распространённое обвинение, согласно которому они преследовали личные или групповые интересы в ущерб интересам партии и государства?

Нюрнберг и советские судебные процессы над «карателями»

Можно ли установить сходство между масштабным процессом в Тбилиси летом 1955 г. и Нюрнбергским процессом? Имело ли место прямое влияние Нюрнберга? Можно ли в принципе сравнивать стратегии советской юстиции пятидесятых годов в области осуждения «карателей» с ключевыми тенденциями Нюрнбергского процесса?

В статьях, опубликованных ниже, даются не все ответы на поставленные здесь вопросы. Эта публикация является лишь первым шагом на долгом пути изучения советских «карателей».

Перевод Андрея Савина

⁵¹ *Hellbeck J.* Revolution on My Mind: Writing a Diary Under Stalin. – Cambridge, 2006. Отдельный интерес представляет также рассмотрение «социальной смерти» избегших осуждения, и тем не менее, изгнанных из органов и разжалованных «карателей». См. *Fitzpatrick Sh., Lüdtke A.* Energizing the Everyday. On the Breaking and Making of Social Bonds in Nazism and Stalinism // *Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared* / Sh. Fitzpatrick, M. Geyer. – Cambridge, 2009. – S. 301.

**Юнге М. Радянські «карателі».
Історіографія, методи та джерельна база**

Проведено історіографічне дослідження участі співробітників органів державної безпеки СРСР – безпосередніх виконавців «Великого терору», визначено основні тенденції вивчення, відзначено спробу порівняння чекістів з військовими злочинцями/карателями нацистської Німеччини. Окреслено основні документальні джерела, визначені методи історичного дослідження.

Ключові слова: радянські карателі, НКВД, політичні репресії, історіографія.

**Junge M. Soviet «Chastiser».
Historiography, Methods and Sources**

Historiographical survey on the USSR state security officers' participation in the Great Terror as a workforce was done. Author defined the key trends of studying of the problem, pointed out the attempt to compare chekists with military criminals of Nazi Germany. The key documental sources and methods of historical survey of the problem were outlined.

Key words: Soviet chastiser, NKVD, political repressions, historiography.

УДК 351.746.1-051(477.43/.44)«1937/1938»(045)

**Валерій ВАСИЛЬЄВ,
Роман ПОДКУР***

**Організатори та виконавці масового вбивства
людей в 1937–1938 рр.: долі співробітників
Вінницького й Кам'янець-Подільського
обласних управлінь НКВС**

Досліджена участь співробітників УНКВС Вінницької та Кам'янець-Подільської областей у «Великому терорі» 1937–1938 рр., їх подальша доля під час так званої «беріївської відлиги» та реабілітації другої половини 1950-х – початку 1960-х рр. Вказано, що вироблені моральні заборони цих осіб були ліквідовані сукупністю історичних реальностей і колективно-індивідуальних особливостей психіки.

Ключові слова: виконавці, УНКВС, політичні репресії, Вінниця, Кам'янець-Подільський.

* *Васильєв Валерій Юрійович* – доктор історичних наук, старший науковий співробітник Інституту історії України НАН України; *Подкур Роман Юрійович* – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту історії України НАН України, старший науковий співробітник відділу по розробці архівів ВУНК–ДПУ–НКВС–КДБ.